

Всемогущий Аллах, освободивший
нас из тисков несправедливости,
не обрекай нас в будущем
на такие муки.

Да прольется твоя благодать на тех,
кто пережил изгнание и рожденных
от них.

Всех умерших на войне, в неволе,
в ссылке без покаяния прими в свой
райский сад.

МИНИСТЕРСТВО ФИНАНСОВ
Кабардинской АССР
Отдел Госдоходов
16/1У-1948 г.
К-03-15
г. Налчик.

ПРЕДСТАВИТЕЛЮ СОВЕТА ПО ДЕЛАМ
КОЛХОЗОВ ПРИ ПРАВИТЕЛЬСТВЕ ССР
ПО КАБАРДИНСКОЙ АССР.
ТОВ. ОРЛИКОВУ

На Ваш бл. 12/У-1948 г.

БАЛКАРИЯ

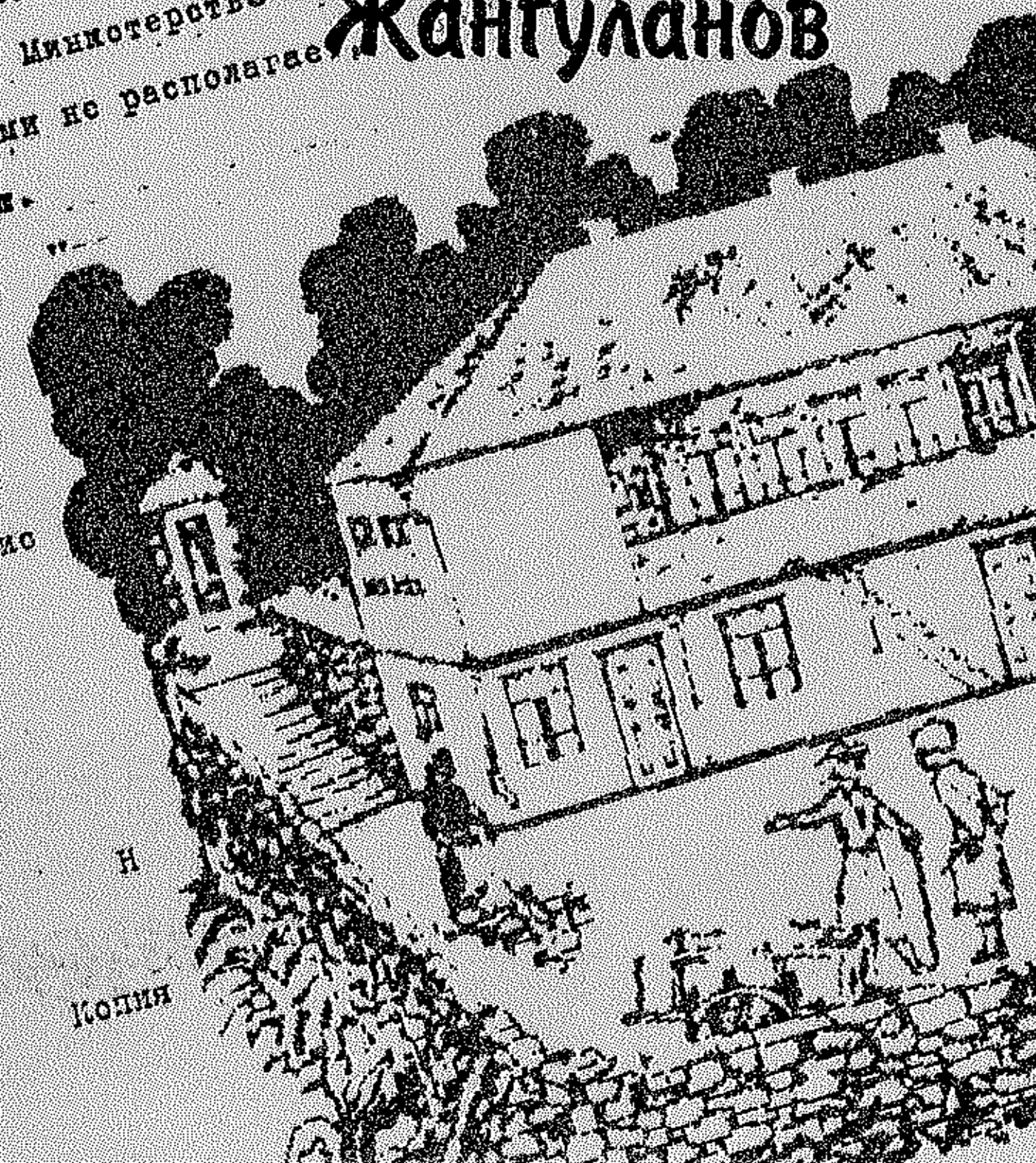
МИНИСТЕРСТВО ФИНАНСОВ
и реализации имущества спец
1944 году были созданы сов
специальные комиссии, от
и отчитывались о состоянии
Комиссаров.

ЗЕЛПАКА

Ибрагим
Жангуланов

МИНИСТЕРСТВО ФИНАНСОВ
не данными не располагае
не может.

указ
не см
лу в
зафикс

И
Копия

БАЛКАРИЯ

ЗЕПАКА

**Ибрагим
Жангуланов**

Нальчик
"Полиграфсервис и Т"
2004

ББК 83.3 (2Р-6КБ)

Ж27

Подстрочный перевод с балкарского языка *Хасана Мамаева*
Литературная обработка *Виктора Котлярова*
Научный консультант *Тамара Биттирова*

Жангуланов И. Х.

Ж27

Зепака. – Нальчик: Полиграфсервис и Т, 2004. – 32 с.

Зепака – слово диалектное, за пределами Верхней Балкарии даже в Черекском ущелье его значение немногим известно. А оно дословно таково – «откуда возврата нет». «Зепака» Ибрагима Жангуланова – книга о тех, кто пережил горечь выселения, кто выжил, выстоял и сумел вернуться. Это история одной жизни, в которой как в капле воды отразились переломные этапы в судьбе балкарского народа, и самый трагический из них – депортация. Без прикрас, ничего не придумывая, рассказывает автор свою биографию, пришедшуюся на годы оккупации, изгнания, возвращения...

И. Х. Жангуланов – известный балкарский мастер резьбы по дереву, удостоенный звания «Народный мастер России». В 2002 г. в издательстве «Полиграфсервис и Т» вышел альбом его работ «Чудесный дар».

© И. Х. Жангуланов, 2004
© Полиграфсервис и Т,
2004

ВСЕ ЭТО БЫЛО...

Много на свете всякой нечисти, которая стремится нанести вред людям, разных бесов и злых духов. Заклятым врагом их является волк – единственное живое существо с немигающим взглядом. Поэтому только волк видит и преследует бесов.

Из карачаево-балкарских верований

Несытые волчьи. Божьи глаза.

И. А. Бунин

Перед нами биография человека, во многом совпадающая с судьбой всего народа. Прав писатель Ибрагим Гадиев, подчеркивая это. Он прав и в другом. Цитируя фразу из книги Жангуланова: «Вчера Котурай, не в силах унять тоску по всему, что было вокруг, тоскуя так, что просто глядеть и видеть ему было недостаточно, разделся и стал кататься голым по крапиве» (речь идет о возвращении на родину), И. Гадиев говорит об этом: «...увы, ни я ничего подобного не смог написать, и ни у одного из мастеров слова такого не читал». Потому что все это не выдуманно, а выхвачено из самой жизни.

О страшных вещах пишет Ибрагим Жангуланов, но пишет так, что ясно – он не пугает и не жалуется, не ищет сочувствия. Он просто рассказывает о том, что было с ним, его народом, без утайки, без позы. Так говорят перед Богом.

Тяжелое сиротское детство. Рассказ о роде Жангулановых. Забитый немцами до смерти парнишка-ногаец, принятый ими за разведчика. Бесчеловечный комендант Рябых (сколько их было, этих Рябых!). Умиравшие с голоду, молчаливые, превратившиеся в живые тени чеченские женщины и дети. Балкарцы, десятками гибнущие от сыпного тифа. Больница, в которой на грани между жизнью и смертью лежит сам Ибрагим. Его младший брат, на последние копейки покупающий для больного молоко, которое забирают санитары. Земляк, оказавшийся проходимцем – подбив мальчишек на побег, он прнкарманивает часть заработанных ими денег, из-за него

они оказываются в тюрьме и спасаются только благодаря доброте коменданта-корейца. Авария, снова тюрьма, работа на стройках. Ни разу, нигде Ибрагим Жангуланов не сбивается на жалобу.

Эта маленькая книга о судьбе человека и судьбе народа – очень мужественная, мужская. Шум и ярость отпыхавшей эпохи не заглушают в ней голос повседневной, вроде бы незаметной человеческой доброты, не позволяющей затравленному, преследуемому и унижаемому юноше озлобиться, упасть, дающей ему силу сопротивляться обстоятельствам и выстоять, остаться человеком, сохранить свое достоинство.

«Я, Жангуланов Ибрагим, сын Хамзата, балкарец, живущий трудом своих десяти пальцев, хочу поведать о пережитом...» – так начинается повесть «Зепака». Замечательно, что, сразу взяв высокую ноту, Ибрагим ни разу с нее не сбивается и не опускается до мелочей, до простого бытоописания. По большому счету перед нами не книга, а жизнь, нашедшая свое воплощение в слове. Ее написал Ибрагим Жангуланов, но подлинным ее автором является народ. Это его судьба и его дума, и не только о прошлом, но и о настоящем, о будущем. Мелкими и ненужными окажутся рядом с этим коротким повествованием попытки критического анализа, нелепыми и смешными загадочные для простого читателя литературоведческие термины, потому что все вещи здесь названы своими именами.

Убежден, что не один читатель, дочитав последнюю страницу и проглотив ком в горле, скажет, обращаясь к народу, о котором написана эта книга: «Слава тебе, непокорный! Все было сделано для того, чтобы тебя не стало. Ты как раненый волк, затравленный, с трудом приходящий в себя, но не побежденный. С диким, злобным воем и хохотом кружат вокруг тебя гнусное скопище бесов – хапуг, трусов, карьеристов, подхалимов, лжецов, предателей, клеветников, – лижет твою кровь и вопит: «Упади! Упади!.. Но все тверже твои шаги. А бесы вопят все громче, вопят, но трепещут – вот-вот ты откроешь глаза и их насквозь пронзит огненный, немигающий, Божий взгляд волка».

*Махти Джуртубаев,
фольклорист*

Я, Жангуланов Ибрагим, сын Хамзата, один из балкарцев, живущий трудом десяти своих пальцев, хочу поведать о пережитом.

Мой балкарский народ – великодушный и рассудительный, трудолюбивый и бесстрашный, способный жить на камнях и выжимать из них воду, гостеприимный и обходительный – даже в изгнании не изменил себе. Стойкость и мужество, вера и надежда, терпение и доброта помогли тебе выстоять. Но сколько потерь вместили в себя эти страшные годы... Там, на чужбине, остались тысячи моих соплеменников – без покаяния и могил лежат мои родные и близкие...

Где она, моя двоюродная сестричка Танзиля Глашева, чей отец сгинул на войне, а мать погибла на рельсах? Я ничем не смог помочь сиротинке – был слишком слаб и неопытен, но до сих пор корю и виню себя. Такая боль живет в сердце каждого балкарца. Десятилетия прошли, как мы вернулись, но ни на один день не забываем об оставленных на чужбине могилах, забытых, занесенных песками времени. Остается только просить Аллаха: «Прости нам наше бессилие!»

Сегодня Жангулановы живут в Верхней Балкарии, Хасанье, Вольном Ауле, Втором Чегеме и в Плановском. В селении Хабаз из Жангулановых никого нет. Был такой Голой-хаджи – с семьей переехал в Турцию. Его брат Гоммай-хаджи также уехал в Турцию, но потом вернулся назад и нашел здесь свой покой. Сын Гоммая Масхут умер в Казахстане. Ахия живет во Втором Чегеме, его мужество и выносливость широко известны. Раньше в Балкарии и в Хабазе бытовала поговорка: «Даже стул, на котором сидел Жангулан, обладает умом». У моего отца было два брата и три сестры.

Один из братьев – Магомет работал председателем райисполкома в Кашхатау. Он был образованным, уравновешенным, предупредительным человеком. Его арестовали еще до нашего выселения, он провел десять лет в Воркуте, а потом вернулся на родину, где и умер. Другой брат – Ахия за самоотверженный труд в колхозе дважды побывал в Москве на ВДНХ. Среди первых он ушел на войну, где и пропал без вести.

Мой отец – Хамзат в 1914 году был призван в ряды царской армии, участвовал в гражданской войне. Председатель сельсовета Баксанук Таукенов рассказывал об отце: «Хамзат был слеп на один глаз, однако мало кто мог соперничать с ним в стрельбе. Когда мы воевали против деникинцев, их аэроплан своим пулеметным огнем

не давал нам возможности подняться из окопов. Тогда мы обратились к Хамзату. Первым же выстрелом он поразил летчика, и аэроплан упал в овраг».

Ровно половина нашей фамилии (включая родственников по материнской линии) погибла в ссылке.

Из Жангулановых.

Барасбий и его жена.

Кти, его жена и трое детей (двое старших сыновей – Магомет и Мазан – пропали на фронте).

Инвалид войны Зулкарний, его жена, сестра и трое детей.

Гитче, его жена и ребенок.

Мусабий-эфенди, жена и их дети.

Семья Магомета. В те мартовские дни его жена Аминат была серьезно больна, лежала в постели. Видя, что ее нельзя выселить вместе со всеми, оставили в лесу... Чтобы волки и собаки сделали свое дело... Четверых детей, как котят, побросали в машину... Они прожили тоже недолго.

Семейство моего деда по матери тоже было крепким и многочисленным. Обрели могилы на чужбине дед Шийых Баккуев, бабушка Айжаяк. Их дочь, ослепшая после оспы Салийхат. Еще одна дочь Разият. Сын Кундет пропал на войне.

Еще одна дочь – Сюдюм – была замужем за Идрисом Глашевым, погибшим на войне. В ночь, когда сталинские присные уничтожали аулы Сауту и Глашево, Сюдюм вместе с грудным ребенком чудом удалось спастись. Однако жить им пришлось недолго.

В семи семьях моих родных потух огонь очага, тридцать семь моих близких, невинных и опозоренных властью, сгинули без следа... Нас смяли как кожу в кожемялке, перемололи как кукурузу в жерновах, устроив ад на земле.

Жангулановы в Верхней Балкарии считались крепкими хозяйственниками. В 1927–1928 годах построили капитальный дом, разбили большой плодовый сад. На равнине близ Хасаньи у нас имелись посевные земли. Когда наступала страда, от каждой семьи по три-четыре человека отправлялись на уборку.

...Год моего рождения 1926-й. Месяц и день неизвестны. По словам моей бабушки, это случилось в самые холодные дни зимы. Родился я без признаков жизни. Старики рассказывали: «Тебя вер-

тели над огнем как шашлык, чтобы согреть. И когда ты согрелся, в тебя вошел дух». Огонь и согревал меня, и сжигал... Вот что произошло близ Хасаньи. Взрослые – отец со своим другом Юсупом – развели костер, поставили варить в большом котле мясо. В ожидании ужина мирно беседовали, а я бегал вокруг костра. Что уж мне взбрело в голову, не знаю, но решил перепрыгнуть через костер. Оперся рукой о палку, на которой был подвешен котел, и оттолкнулся от земли. Прыжок оказался неудачным – я упал в костер, задел казан, и кипящая шурпа вылилась на меня. Помню дикую жесточайшую боль, крики взрослых, поливавших меня водой, чтобы загасить горящую одежду. Бабушка стала тереть картошку и тыкву, обмазала ими. Меня на лошади довели до больницы в Нальчике. Там доктора удалили волдыри с обожженных мест.

С большим трудом я переборол болезнь. К моей радости, на лице и руках следов от ожогов не осталось, зато их предостаточно на спине.

В 1931 году скоропостижно скончался мой отец, следом за ним мать. Нас осталось трое – я и младшие брат с сестрой. Помогли родственники. Но как ни крути, сирота есть сирота. Когда про меня говорили: «А, это сирота», сердце кровью обливалось. Бывало, что заезжие из Нальчика русские, увидев меня, спрашивали: «Чей ты сын?» Спрашивали потому, что я носил черные штаны и белую рубашку; ими снабжал меня дядя Магомет, учившийся в Нальчике. Односельчане меня за это прозвали Звонцовым. (Звонцов – щуплый, невысокий человек, постоянно ходивший в черных брюках и белой рубашке – в те годы был первым секретарем обкома партии).

В 1938 году дядя после окончания учебы вернулся в родное село и решил заняться вплотную моей судьбой. Вместе с Исмаилом Киштыковым он отвез нас в Нальчик, где показал маленького роста балкарцу, на груди которого сиял орден Ленина. Это был поэт Саид Шахмурзаев. Меня определили в интернат для балкарских детей, располагавшийся в местечке, называемом Моллаевский хутор. Вначале нас было трое, но вскоре из балкарских сел на телегах привезли более десяти мальчиков и девочек. Только они тут же почти все убежали. Привезли новых, и эти убежали. К середине сентября нас по-прежнему оставалось лишь трое. По этой причине интернат преобразовали в детский дом и нас, как сирот, оставили в нем. В детдоме я окончил шесть классов и в 1940 году вернулся домой.

Для получения шахтерской профессии решено было направить группу парней из Верхней Балкарии в Тырныауз. Однако желающих не нашлось. Люди говорили: «Шахтер не выходит из-под земли, как же мы можем себя заживо похоронить?». Лишь один парень сомневался – ехать или нет. Тогда обратились ко мне: «Если ты не будешь вторым, мы даже не знаем, кого отправить». Но в шахтеры набирали парней 1924 года рождения, мне не доставало двух лет, только переоформили метрику, как началась война.

Всех, способных держать оружие, отправили на фронт. Женщин и стариков увезли в Прохладный копать противотанковые рвы. В селе почти никого не осталось. Я на буйволе, запряженном в арбу, работал в колхозе. В те годы у нашего колхоза в селе Курей Прохладненского района имелись обширные посевные земли. Мы возили оттуда в Верхнюю Балкарию пшеницу и просо. А на Ставрополье, близ Бажигана, заготавливали сено. Меня тоже отправили туда. К тому времени немцы уже взяли Ростов.

Дядя Магомет был в Бажигане ответственным за колхозников Черекского района, то есть заведующим Черекским районным земельным отделом. Магомет по делам поехал в село, а меня поручил своему заместителю. Когда немцы были уже совсем близко, мы перенесли свой стан от дороги в более укромное место, за камыши. Но у нас было слишком много скотины: овцы, коровы, буйволы, лошади. Вдобавок еще масса телег.

А немцы от Ростова уже направлялись по Сальским степям к Моздоку. Оставалось только одно: собираться в путь. Наш старший обратился к нам: «Необходимо отсюда уходить. Надо гнать стада по бездорожью, скрываясь в зарослях, обходя деревни, – одним словом, проявлять крайнюю осторожность». Большая часть наших людей ушла, а я и еще несколько колхозников задержались дней на десять. За это время ни один немецкий солдат не потревожил нас. Они опасались партизан, скрывавшихся, на их взгляд, в зарослях камыша.

В одну из ясных лунных ночей Чомак Гадиев и я на одной арбе, Чоколтай Башиев из Коспарты и люди из Шаурдатского колхоза на другой, отправились в путь. Но далеко уехать не смогли – неожиданно оказались в зоне боевых действий. Спереди и сбоку раздавались автоматные очереди, двигаться дальше было невозможно. Тогда мы решили вернуться назад. Как только наши телеги остановились, Чомак, Чокалтай, зоотехник Магомет Атгасауов и Мухадин

Гадиев из колхоза имени НКВД взялись за лопаты и начали копать большую яму. Потом мы забросали в нее пожитки, одежду, большую сумму имевшихся при нас колхозных денег, и засыпали землей. Кроме нас пятерых об этом никто не знал.

Несколько дней мы томились в ожидании, посылая временами людей на разведку. Когда же, наконец, путь был открыт, выяснилось, что спрятанные вещи пропали. На земле остались следы от телеги, которые были похожи на следы, оставляемые моей телегой. Подозрение пало на меня. Начался допрос, к груди приставили ствол, требуя назвать сообщника. Я растерялся, так как просто не знал, что говорить: все прекрасно видели, что никуда я не отлучался, ни с кем ни о чем не договаривался. Тем более что подобное подозрение бросало тень на моего дядю Магомета, кристально честного человека. В тот момент я был готов утопиться. Наш отъезд задерживался, все были уверены в моей причастности к краже, я не знал что делать. И ночью, сев на коня, поскакал, сам не зная куда. На протяжении всей ночи я ни разу не остановился. Измученный голодом и холодом, добрался до какого-то хуторка, где встретил старика, пасущего овец. Рассказал ему свою историю. Дед посоветовал: «Сейчас всяких людей можно встретить – и дезертиров, и мародеров, а ты еще совсем молод, могут и коня отобрать, и самого погубить. Возвращайся лучше к своим. А тайное всегда становится явным. Жди и терпи, Аллах поможет подтвердить твою невиновность».

Как солнечные лучи согревают холодную землю, так доброе слово хорошего человека согрело мою душу, я повернул к своим. Оказалось, что моим односельчанам стало стыдно за то, что они бездоказательно обвинили мальчишку, оклеветали сироту. И увидев меня, они облегченно вздохнули и поблагодарили Аллаха за то, что он снял с них грех. Мы тут же отправились в дорогу, следуя по пятам оккупантов. Так мы добрались до Курея, где нас уже поджидали пастухи, которые, к радости, прошли весь путь без особых потерь. Сколько добра здесь оставили наши колхозы! Горы зерна на токах, бахчи сплошь и рядом усеянные арбузами – можно было насытиться одним лишь взглядом.

Выяснилось, что наши войска больше месяца удерживают мост в Прохладном, не давая немцам переправиться на другую сторону. Что делать нам? Оставалось ждать.

В один из дней мы решили поехать в Прохладный на базар, прикупить что-то из одежды. И вот в самый разгар базара немцы устроили облаву. Они искали физически здоровых людей. На базаре воцарилась паника, за считанные минуты продавцы, побросав свой товар, разбежались. Я тоже последовал их примеру и помчался к нашим телегам. В тот раз нам повезло, и мы благополучно добрались до места стоянки.

Но вскоре немцы забрали наших овец и угнали в Солдатское. После этого мы решили, что пора трогаться. Добравшись до Малки, мы увидели разрушенные мосты, а единственный понтон охраняли немцы. Без пропуска нам не разрешили переправиться. В этот момент в небе появились советские самолеты и начали бомбить переправу. Вспышки от взрывов превратили ночь в день. Охранявшие понтон солдаты, бросив свой пост, попрятались в блиндажи. А мы, пользуясь моментом, перегнали скот и телеги на другой берег.

Свет от взрывов был настолько ярким, что можно было разглядеть упавшую иголку. Моя лошадь, рослая, рыжая кобыла, испугавшись пулеметных очередей, понесла в сторону. В этот момент меня стал преследовать наш «кукурузник», своим огнем не давая скрыться в лесу. Но все же мне удалось спрятаться в чаще.

В общем, пока мы добирались от Прохладного до Верхней Балкарии, потеряли две трети нашей скотины.

Не доезжая до Бабугента, есть небольшой пригорок. Именно там немцы арестовали нашего товарища, ногойца Магомета по подозрению в шпионаже. Его тут же убили. Конечно, никаким разведчиком он не был, был с чабанами в Курее и решил вместе с ними отправиться в Балкарию. Я выучил несколько фраз из «Русско-немецкого разговорника» и пытался объяснить немцам, кто такие ногойцы, но безуспешно.

Только в декабре 1942 года мы оказались в родном селе, которое почти все было уничтожено огнем. Сгорел и наш красивый, с двухскатной черепичной крышей, дом, сарай со всей скотиной. Моя бабушка по отцу жила у своей дочери. И я с братом Исмаилом стал жить у тети Зулихат. Муж ее был на фронте, а на руках – четверо малышей.

Немцы назначили старшину, но сами появлялись в селе редко. Зима стояла холодная, еды не хватало. Питались одной картошкой, но, слава Богу, никто с голоду не умер. Тем более что у меня и лошадь была, и арба. Откуда? Как-то, еще осенью, в Бажигане двум

лошадям сенокосилкой повредило задние ноги. Их актом списали как павших, и бросили около воды умирать. Я каждый день ходил к ним, пытался лечить. Одна лошадь так и издохла, не поднявшись. У другой же жилы на ногах не были до конца перерублены. Я промыл раны, удалил из них личинки и обработал креолином. Вскоре раны зажили, и у меня появилась своя лошадь. Она была из иноходцев и раньше отличалась красивым аллюром. И даже охромев, двигалась грациозно. Колхоз перестал существовать, и каждый был волен в своих действиях, поэтому все потихоньку обзавелись скотиной. Я уже считал себя настоящим хозяином и был этим доволен, когда к нам пришли полицаи и увели мою лошадь. Огорченный, пожаловался своему дедушке по матери. Дед мне сказал: «Не бойся, все будет хорошо, сироту защищает Аллах, но то, что попало в руки этим бандитам, назад не вернешь». Он обменял одну из своих коров на коня и подарил мне. Что это был за конь? Не знавший ни седла, ни уздечки трехлетний жеребец. Я был очень рад, но не знал, как приручить коня. А он не подпускал к себе никого. Когда я находился впереди, он норовил меня укусить, когда чистил под ним – лягался. Кто его видел, говорили: «Это не скотина, а дьявол, пусть его волки загрызут».

Я решил обуздать жеребца. Подготовил крепкую узду, седло, набил карманы камнями. Самые крепкие односельчане согласились мне помочь. С трудом нам удалось навесить седло. Двое крепких парней держали уздечку, привязав к ней веревку, а третий решил оседлать коня. Только он запрыгнул в седло, как жеребец, встав на дыбы, сбросил седока. Следующая попытка также не принесла результата. Тогда я схватил уздечку и сам запрыгнул на коня. К всеобщему удивлению, он не стал сопротивляться, я тихонько дал пятками по бокам, и конь, подчинившись моей воле, пошел вперед. Наблюдавшие за мной люди были в легком замешательстве, они говорили, что, воистину, Аллах защищает сирот.

В начале 1943 года немцы начали спешно отступать, забирая с собой всех лошадей и ослов. Я находился в это время у бабушки в Верхнем Чегеме и решил, что в такой ситуации лучше будет спрятать коня и подождать, пока немцы уберутся. Когда они ушли, я поскакал обратно в Верхнюю Балкарию. И случилось то, чего я больше всего боялся – вплотную столкнулся с немцами. Свернуть с дороги не было никакой возможности – впереди мост через глубокое

русло реки. Один из немецких солдат проворно выхватил уздечку, сбросил меня с коня и попытался на него сесть. Я-то знал, что мой жеребец не двинется с места, даже если его забьют до смерти, а раз так, то немцы наверняка попытаются выместить свою злобу на мне, поэтому спрятался за камнями.

Один солдат уселся в седло, а другой начал бить коня прикладом. Тогда мой жеребец встал на дыбы, сбросил седока и ускакал. Немцы несколько раз выстрелили вдогонку, но не попали. Я поймал жеребца и продолжил свой путь. И что удивительно – вскоре опять повстречался с немцами, и вновь, тютелька в тютельку, повторилась та же самая история.

В конце зимы был восстановлен колхоз и всю скотину, которая досталась от государства, мы вернули назад. Мой конь тоже попал в колхоз.

В конце 1943 года меня с группой ребят из района направили в Нальчик учиться на тракториста. Окончив курсы, на отлично сдав экзамен по вождению, в феврале 1944 года я вернулся домой. Но работать по новой специальности мне так и не пришлось...

Ранним утром 8 марта в дверь нашего дома громко постучали. Я открыл дверь. На пороге стояли трое: капитан, солдат и русский парень, сельский милиционер. Мы вместе с младшим братом жили тогда в нашем выгоревшем доме, перекрыв одну из комнат крышей. В комнате, кроме топчана и буржуйки, ничего не было. В другой части дома хранились яблоки – мы собирались отвезти их в город и продать. Ни паспортов, ни метрик у нас не было – они сгорели вместе с домом. Единственным документом было партизанское удостоверение отца. Непрошенные гости записали наши данные и приказали: «Через двадцать минут выходите на край села и садитесь в грузовик – вы переезжаете».

Мы, как и все другие односельчане, не понимали, что происходит, куда надо переезжать, почему так срочно, что с собой брать. Что было делать детям и старикам? Что было делать моей тете, муж которой на фронте, а на руках – четверо детей? Аминат, жена Магомета, была тяжело больна, и ее оставили, а детей, как щенят, побросали в машины. Они же, несмышлениши, радовались, думая, что их везут на праздник в город – ведь было восьмое марта.

Наш сосед решил зарезать двух баранов и позвал меня на помощь. Когда же я предложил ему зарезать еще одного (у него было

около двадцати голов), он возразил: «Лучше не надо, нам там дадут столько же, сколько мы оставляем здесь...» Дали... и добавили.

Все село было окружено солдатами, пресекавшими любую попытку к бегству. Их было так много и казалось, что на каждого балкарца – старика, ребенка, женщину – приходится один солдат. А может, так оно и было...

В тот же день в Нальчике нас погрузили на эшелоны. Никто не знал, куда нас везут. Четырнадцать дней и ночей мы ехали в битком набитых вагонах. За это время были и отставшие от поезда, и умершие. Мы прятали их, чтобы солдаты не выбросили. Половину нашего эшелона отцепили и отправили дальше, мы же остались на станции Туркестан. Переселенцев повели в баню, а одежду забрали для дезинфекции. После бани все получили свою одежду, а я не нашел штаны. Красть бы их вряд ли стали, поэтому я осмотрел камеру. В углу лежал какой-то черный комок, это были мои штаны, скрутившиеся от термической обработки. А какие это были штаны – сшитые из черных овечьих шкур, прочные и теплые! Пришлось ждать, пока мне принесут другие. Потом и присказка появилась: «Как Ибрагимовы штаны».

Нас рассадили по телегам и тракторам и развезли по колхозам. Все двери и окна в домах были закрыты, местные жители попрятались. Перед нашим прибытием всех предупредили, что с Кавказа везут кровопийц и людоедов.

Нас по две-три семьи расселили по сараям. Когда же напуганные местные жители услышали понятную им балкарскую речь, их страхи быстро рассеялись.

В колхозе нас распределили по бригадам. Все здесь было иным: и земля не такая, и люди. Наша тяпка – маленькая и легкая, их кетмень – большой и тяжелый. Лопатой никто не пользовался. Хлопок мы увидели здесь впервые. Когда мы прибыли в Азию, ростки хлопка уже пробивались из земли, и нас поставили на прополку. Бывало, что по неопытности заденешь пару-тройку хлопковых ростков, тогда бригадир не ограничивался словами, а мог и кнутом стегануть. Не выполнишь норму – в обед оставляли без баланды. Хотя нас кормили не из колхозных закромов, а государство выделяло на каждого переселенца довольствие. Но довольствие это почти не попадало в наши желудки. Колхозные беки жирели, отнимая у детей, стариков и больных их долю. Помню бригадира по имени

Исмаил, у него был длинный кнут, и он никогда не слезал с коня. Он говорил только одну фразу: «Государство прислало вас сюда, чтобы вы работали». Бывало, что человек умирал прямо на поле, но бригадир не позволял его похоронить.

Болезни валили людей, как осеннюю траву. Мы не могли по-человечески хоронить умерших — сил копать могилы не было. Умерших закапывали рядом с полем или каналом, и лишь потом, спустя время, перезахоронили по-людски на кладбище.

Семьи Ортая Забакова, Хажбня Хуртаева, Абдуллы Этчеева потеряли по шесть человек, семьи Гитче и Зулкарнея Жангулановых — по пять, Шока Мамаева — четверых, Магомета Жангуланова — троих...

Лето принесло ужасную жару, гнус буквально заедал людей. От палящего солнца спрятаться было некуда — ни одного деревца; жажду утолить нечем — вода в арыках стоячая, вольготное жильё для личинок и червей; ее было невозможно пить даже кипяченой. А те, кто пил, вскоре умирали от дизентерии. Чистую воду можно было набрать лишь в Сыр-Дарье, за двенадцать километров от нашего поселения. После дождя вода собиралась в углублениях от лошадиных копыт, мы пили ее, как собаки, отгоняя лягушек.

Всех, кроме детей до десяти лет и немощных стариков, заставляли работать, даже тяжело больных. На питание выделяли муку, но и ее забирало колхозное начальство, выдавая взамен овес. Молоть его было негде, приходилось дробить камнями и есть вместе с шелухой. Сколько людей умерло от этой пищи! Правда, власти, узнав о подобной практике, арестовали директора совхоза. Но что от этого мертвым? Потом выросший на балкарских костях виноградный совхоз прославился не только на весь Казахстан, но и на всю страну.

Однажды умерла старая женщина из нашего села по имени Минат. Бригадир на ее похороны отпустил лишь двоих, а когда я попросился третьим, замахнулся на меня кнутом. Недолго думая, запустил в него обломком кирпича. Люди удержали меня от драки.

Бригадир пригрозил: «Я тебе покажу, бандит! Оказывается, все, что про вас говорили, истинная правда». Балкарцы стали его упрашивать: «Исмаил, благодетель наш, не губи сироту, прости». Так мне удалось избежать тюрьмы.

В один из дней я почувствовал себя плохо и прямо с поля меня с диагнозом тиф отвезли в городскую больницу. Она была переполнена, место нашлось только в коридоре. Каждый день умирало два-три человека, поправлялся редко кто.

Я был безнадежен. Кроме младшего брата, помочь мне было некому. Но даже если ему удавалось достать айрана или молока, они до меня не доходили. Братишка приносил и отдавал санитарам, а те возвращали ему пустую посуду. Я все эти дни лежал без сознания, постоянно бредил. В бреду ко мне являлись люди с кинжалами и, уперев их в грудь, спрашивали: «Когда ты вернешь украденные у нас вещи и деньги?» Пытаясь скрыться от них, я выбегал из палаты. Медсестры, чтобы удержать меня, приставляли к дверям палаты стол.

Но, видимо, смерть решила меня отпустить, я начал поправляться. Как только температура чуть спала, я, опираясь на две палки, вернулся в село. Теперь, чтобы окрепнуть, мне нужно было усиленно питаться, но за счет чего? Единственной нашей ценностью был небольшой красивый ковер, чудом сохранившийся при пожаре. Это была единственная вещь, оставшаяся от матери, напоминавшая нам о доме, но, трезво рассудив, мы решили продать его. Братишка пошел на базар, где выручил за него тридцать рублей, и купил на них килограмм сливочного масла и пять килограммов муки. Мы варили из муки похлебку, и пили ее с маслом. За пять дней я встал на ноги. Оправившись от болезни, пошел в колхоз, но работы для меня не оказалось, поэтому подался в город.

В то время в городе уже трудились балкарцы, вернувшиеся с фронта. Я всюду носил с собой партизанское удостоверение отца, рассчитывая, что оно поможет мне найти работу. Но куда бы я ни приходил, мне всюду отказывали ввиду молодости и физической слабости.

Моему односельчанину Магомету Киштыкову повезло — он работал в банке инкассатором и посоветовал: «У банка есть телега с фургоном для поездок инкассаторов, а возничего нет. Пойди к управляющему, попроси, может, он тебя возьмет». Управляющий принял меня приветливо, спросил: «Что у тебя за дело, с чем пожаловал?» Выслушав, ответил: «С этой работой тебе не справиться, ведь кроме поездок надо заготавливать сено, а ты слишком молод и слаб. Я хотел бы помочь, но в банке вакансий нет. Впрочем, посиди немного, посмотри газеты, журналы, я подумаю, что можно сделать».

Вскоре в кабинет вошел какой-то военный, оказалось, что это начальник аэродрома, он пришел получать зарплату для своих подчиненных. Управляющий сказал ему: «На вашем счету ничего нет, помочь не в силах». Начальник аэропорта стал упрашивать его, и банкир поставил условие: «Если устроишь на работу вот этого пар-

ня, дам тебе кредит». Трудно описать ту радость, которую я испытал, когда начальник аэропорта согласился.

На следующий день отправился на аэродром. Начальник вызвал к себе начальника радиостанции по фамилии Китавин, у которого в распоряжении имелось пять движков. Китавин отвел меня на радиостанцию, показал движки, объяснил их предназначение. Эта работа была мне по силам. Но для того чтобы меня оформили, нужно было взять бумагу в комендатуре. Китавин отвез меня к туркестанскому районному коменданту Рябых, известному своей жестокостью. Рябых ни под каким предлогом не позволял ссыльным менять место поселения. Я наивно надеялся, что комендант не откажет аэропортовскому начальству, но не тут-то было — Рябых сказал, что об этом и речи быть не может. Тогда я предложил обратиться к начальнику НКВД по фамилии Гусев. Это был уже немолодой человек в чине капитана. Выслушав Китавина, он сказал: «Если вы обеспечите его и его младшего брата работой, жильем и трехразовым питанием, дам добро».

Так я получил разрешение на работу.

За движками присматривали трое мотористов — один сутки работал, а двое отдыхали. Агрегаты находились в плохом состоянии и часто ломались. Мне дали неделю для ознакомления. И я понял, что мотористы, каждый надеясь на сменщика, не уделяли движкам должного внимания, не проводили профилактику. Навыки, полученные на курсах трактористов, очень помогли мне. Я проводил на работе все время, даже по воскресениям приходил. Движки стали ломаться реже, начальство это отметило. А мы благодарили Аллаха за ниспосланное сиротам благо. Никто не вспоминал о том, что мы ссыльные. Все у нас было: трехразовое питание, жилье рядом с работой, даже форменная одежда. Меня обещали отправить учиться на техника.

Как-то нас навел земляк Юсуп Хуртаев, живший в соседней области. Он сказал: «Я получил разрешение и возвращаюсь на Кавказ. Продал корову, а деньги в штаны зашил. Поехали со мной, вы молодые, вас не будут проверять».

Каждый день он уговаривал нас продать корову, которую нам дало государство. Черт нас попутал, хотя мы прекрасно помнили указ Молотова: «За бегство из мест ссылки — восемь лет, за потерю коровы — восемь лет».

Корова наша была никудышной, молока не давала, да и кормить ее было нечем. Я пошел к коменданту Рябых и сказал: «От этой коровы нет никакого толка, если же она пропадет, вы меня посадите. Лучше дайте мне бумагу, и я отведу ее обратно. Рябых предложил: «Если не можешь содержать корову, приведи ее ко мне домой. Я буду кормить ее зимой, а ты летом».

В кабинете сидели какие-то люди, все громко засмеялись: «Что за человек, даешь ему корову, а он отказывается».

Я сказал коменданту «спасибо» и в тот же день продал корову одному казаку практически за бесценок.

И вот 12 сентября 1944 года, продав также кое-какое барахлишко, мы пристали к поезду № 501 «Ташкент—Москва». Ни билета, ни разрешения, зато 13 тысяч рублей в кармане.

Для безопасности деньги пришлось разделить и спрятать в разных местах: зашить в воротник, под подкладку и в кепку. На руках оставалась только мелочь.

Поезд был переполнен. Приходилось ехать на подножках и в тамбурах. Днем Юсуп и мой брат сидели со стороны, противоположной вокзалу, а я находился на крыше вагона и следил за проверяющими. Дважды я попадался начальнику поезда, он сказал, что на третий раз посадит меня в тюрьму. За это время я успел познакомиться и с другими «зайцами». Однажды проводник на ходу вытолкнул меня из вагона. Но поезд шел не очень быстро, я успел вскочить в следующий вагон, только остался без одного башмака.

Я был рад, что не разлучился с братом, и совсем забыл о ссадинах, полученных при падении. Если бы поезд шел быстрее, я бы наверняка разбился. Оказывается, не только меня выбросил из вагона тот проводник, были и другие ребята, и мы решили подкараулить нашего врага. Но проводник, видимо, почувал опасность и вызвал милицию. Нас схватили и посадили в вагон с решетками. Здесь выяснилось, что у Юсупа не было денег, и я понял, что с самого первого дня он хотел нас обмануть. Меня охватил страх. Я думал о том, что со мной будет, если в моей одежде найдут такие деньги. Как бы ни оправдывался, все равно обвинят в воровстве.

Тогда я отдал брату и Юсупу по две тысячи рублей. Так мы доехали до какой-то большой станции. Там нас высадили и повели в сторону железнодорожного вокзала. Навстречу нам шли люди, поч-

ти у каждого в руках был круглый хлеб, у нас потекли слюнки. Мы обратились к одному:

– Хлеб продаешь?

– Продаю.

– Сколько хочешь?

– Сто рублей.

– Держи, коль не шутишь.

Я протянул ему сто рублей и забрал каравай.

Нас тем временем привели в железнодорожную милицию. После предварительного допроса нас передали в поселковую милицию.

В том районе жили ссыльные чеченцы, и мы попали в распоряжение их коменданта. Нас обыскали, и все изъятые вещи занесли в протокол. Так мои две тысячи оказались записаны на имя Юсупа. Потом была камера, переполненная до такой степени, что негде было сесть. Нам с трудом удалось пристроиться. У меня еще оставалось после обыска достаточно много ненайденных милиционерами денег. Если бы уголовники в камере узнали о них – наверняка отобрали бы.

На следующий день, когда нас вывели на прогулку, я по-казахски попросил надзирателя: «Я дам тебе денег, а ты принеси нам чего-нибудь с базара и дай как передачу».

Он выполнил мою просьбу.

На третий день Юсупа надолго увели. Когда он вернулся, сказал, что теперь вызовут и нас. Но несколько дней нас не беспокоили. На четвертый день его опять увели, и мы уже решили, что насовсем. Он хоть и обманул нас, но нам не хотелось терять друг друга. Юсупа привели часа через три. Я спросил: «Чего они теперь хотят? Почему тебя так долго держали?» Он ответил: «Оии говорили, что у нас еще остались деньги, даже избили меня. А теперь тебя вызовут, так что лучше отдай деньги мне». Я не поверил ему и сказал: «Денег у меня не осталось, их все забрали».

Вскоре надзиратель отвел нас к молодому коменданту – корейцу по национальности. Тот привел нас в домик на другой стороне дороги, попросил подождать в коридоре, а сам зашел в кабинет. Мы подумали, раз комендант оставил нас без присмотра, значит, дела наши не так уж плохи. Но на всякий случай я решил спрятать свои деньги под половую доску. Вскоре кореец вызвал нас и сказал:

«Сейчас я пойду оформлять бумаги, а вы посидите здесь, вот вам хлеб и чай, правда, без сахара. Подкрепитесь немного, потом поговорим».

Ощувив теплоту, которая исходила от этого человека, мы возблагодарили Аллаха.

На первом допросе я не сказал, что мы хотели вернуться на Кавказ, соврал: «Мы отбились от своих родных, пытались их разыскать». Комендант спросил: «У вас есть что добавить к вышесказанному?», а услышав отрицательный ответ, продолжил: «Назовите фамилии и имена своих близких и место, откуда их выселили, а я напишу в Алма-Ату, в главное управление. Когда придет ответ, вы поедете к своим. Пока же будете находиться у нас на учете. Это очень большая станция, здесь много разной работы, возьмите ваши деньги и найдите место, где есть общежитие и столовая, а о трудоустройстве я позабочусь. Пока же живите здесь, на веранде».

Мы были безмерно благодарны этому человеку. Чтобы как-то выразить свою признательность я сунул в ящик его стола 600 рублей с просьбой о том, чтобы комендант купил себе наручные часы.

Когда я сказал, что деньги, найденные у Юсупа, тоже мои, кореец ответил: «Я догадался. И то, что он вас поставил в такое трудное положение, тоже понял. Но эти деньги по описи принадлежат ему, и вернуть их невозможно. Его будут судить».

В поисках работы мы обошли поселок вдоль и поперек. И в вагоноремонтном депо нас двоих приняли на одно место. Жильем нашим стал «красный уголок» в одном из вагончиков. С наступлением осени изрядно похолодало, и когда стало совсем невмоготу, мы обратились за помощью в отдел кадров. Начальником отдела кадров была крупная, дородная женщина, и мы почему-то решили, что она по-матерински поймет нас и поможет, да не тут-то было. Женщина сказала: «Вы подарили Гитлеру белую лошадь с позолоченным седлом, и после этого хотите жить спокойно? Вас всех надо истребить».

Я снова пошел к коменданту, и он дал мне записку: «Как вы можете так говорить, сейчас действительно холодно. Если не можете обеспечить общежитием, увольте с работы».

Прочитав записку, начальник отдела кадров пришла в ярость и в течение часа оформила наше увольнение. Но расстроиться мы даже не успели – наш сослуживец, казах по имени Асан, предложил пожить у него и заняться вместе с ним возведением саманного забора вокруг базара.

Строительство забора было завершено до первых морозов. Но Асан не оставил нас. Директор мясокомбината был его родственником, и Асан отправился к нему. Вернулся довольный. Первого ок-

тября нам надо было выйти на работу. На комбинате у нас никаких бумаг не спросили, а сразу привели в цех. Нам дали по полкило хлеба. Зачерпнув половником горячего жира из большого котла, мы макали в него хлеб и ели, чавкая от удовольствия. Каждый вечер после работы нам, как и всем остальным работникам, выдавали паек: баранью голову, ноги и потроха. Часть пайка мы меняли на муку и рис, а жена Асана из этих продуктов готовила нам еду.

В отличие от чеченцев, постоянно голодавших, мы вели почти нормальную жизнь. Они же были доведены до крайней нищеты. Их женщины, с хворостинами в руках, стояли у сточной трубы мясокомбината, ожидая, что грязная вода принесет с собой обрывок кишки. А когда это случалось, им приходилось вступать в бой с воронами. На станции не было ни одного работающего чеченца, им не разрешали трудиться за пределами колхозов.

Главным для нас теперь стал вопрос жилья — не хотелось стеснять Асана. Морозы в это время стояли такие, что вороны замерзали на лету, каменели и падали вниз. По дороге с работы наша одежда превращалась в ледовый панцирь. Асан сильно за нас переживал, все думал, где бы устроить. И однажды пришел довольный: «Один из сторожей мясокомбината — мой родственник, он согласен выделить для вас комнату в своем доме».

Бригадир наш был неграмотным, и я стал заполнять вместо него необходимые отчеты. Главный бухгалтер, узнав об этом, предложила работу счетовода. Кроме того, для сушки колбасы необходимы были дрова, которые заготавливали в селе, а людей для этого не могли найти. Дело в том, что казахи не любили пользоваться ручной пилой. Наняли старика-татарина, и меня сделали его помощником. Каждый день для «смазки пилы» я заказывал на комбинате жирный бараний хвост и отдавал его татарину. Казахи почему-то верили каждому моему слову. Пилу, конечно, нужно смазывать, но для этого достаточно и кусочка жира.

Однажды меня для учета скотины отправили на подшефную ферму, которая находилась в тех местах, где сейчас располагается космодром Байконур. Местечко это так и называлось. Директору мясокомбината понравилась, как я справился с заданием, и он предложил мне место заведующего фермой. Но я отказался, испугавшись, что пожилые люди не будут меня слушаться.

Начальником убойного цеха работал добрый человек, русский,

сосланный сюда еще в коллективизацию. Всем мясом в цеху распоряжался он, и, пользуясь своим положением, всячески помогал нам. Кроме ног и голов, он, бывало, давал нам хорошие куски мяса, чтобы, продав его, мы купили себе одежду и обувь. Не было случая, чтобы нас проверили на проходной. Я понимал, что это делалось по распоряжению начальника цеха. Мясо мы отдавали соседям, которые в конце месяца рассчитывались за него. Такая форма расчета была для нас очень удобна, поскольку мелкий прибыль сразу же уходил на текущие нужды. А нашей месячной выручки хватало на покупку обуви, одежды или постельных принадлежностей.

Тот русский человек вначале нас просто жалел, лишь позже, увидев наше старание в работе, искренне полюбил. Порой случалось так, что он не успевал проследить за погрузкой мяса в вагон, и тогда отправлял меня.

В поселке меня знали все от мала до велика. Каждый встречный говорил: «Малай, когда принесешь мяса, про нас не забудь». А рабочие с мясокомбината говорили: «Теперь вы стали нашими детьми. Как только наступит весна, мы привезем тебе в жены любую понравившуюся девушку. Возьмешь участок, и все вместе построим вам дом; выделим корову и овец, начнете жить нормально». Я ни секунды не сомневался, что они так и сделают. Они думали, что мы крымские татары, и называли нас «малаями».

Так мы и жили, катаясь как сыр в масле... В чем мы могли упрекать свою судьбу, когда все было в наших руках! А там, откуда мы сбежали, осталась родная сестра нашего отца с малыми детьми. Тяжкая жизнь чеченцев напоминала о них. В наших сердцах поселилась тревога: живы ли они? Я тайком отправил письмо одному из родственников, чтобы узнать об их положении. Но ответа не было. Может быть, это письмо перехватил комендант? Страх затаился в моем сердце. Случалось, что я видел старшего лейтенанта Рябых во сне и, просыпаясь, вскакивал с криком.

Мои опасения оказались не напрасными. В двадцатых числах апреля 1945 года комендант Ким вызвал меня в райотдел НКВД города Казалинска. Когда я явился, он отвел меня в кабинет, где сидело семь-восемь человек, в том числе старший комендант Аян. Оказалось, что за подписью начальника районного отделения НКВД и коменданта Рябых действительно поступило требование, в котором говорилось: «Жангуланова Ибрагима Хамзатовича и его младшего

брата Исмаила, работающих на Новоказалинском мясокомбинате, арестовать и этапировать в Туркестанский райотдел НКВД».

— Вот парень, бумага на которого нас встревожила, — сказал Ким присутствующим. — Но я его знаю, и он вовсе не такой, как в ней пишется.

Я взмолился: «Пожалейте нас, не отправляйте обратно, за наше преступление посадите нас здесь», на что Ким сказал: «Мы вас сажать не собираемся и этапировать не будем, но если вы не вернетесь обратно, у нас будут большие неприятности. Мы подготовим все необходимые документы, чтобы вас там не посадили».

— Нас все равно посадят. Я очень хорошо знаю тамошнего коменданта.

— Успокойся, по этому документу тебя не могут посадить. Но если ты так боишься, мы научим тебя, что нужно говорить.

Расспросив о предыстории нашего побега, Ким написал что-то на бумажке и наказал выучить эти слова наизусть, после чего оформил документы и отвел меня к начальнику НКВД, который заверил, что все будет хорошо, и подкрепил свои слова «солдатским пайком» и деньгами на дорогу.

Когда я вернулся на работу и рассказал о происшедшем, одна из женщин от жалости к нам даже заплакала. Начальство мясокомбината произвело расчет за шесть месяцев, и мы получили на руки солидную сумму денег. Наши товарищи тоже собрали нам денег. Таким образом, у нас собралось около трех тысяч рублей. А еще подарки: рабочие принесли кто масло, кто толокно, кто мед... Начальник убойного цеха выделил нам полтуши барана и восемь засоленных хвостов, начальник колбасного — десять кило колбасы, кусок мыла, большой, как сыр, а мыло было тогда большим дефицитом. У нас было и вареное мясо. Все это добро мы погрузили на арбу и отвезли на вокзал. Денег и еды было вдоволь, и сядь мы тогда на поезд, то уже через день оказались на месте. А там Рябых нас тут же взял бы под стражу. Сомнений в этом не было. Кому тогда достанется наше добро? И мы решили погулять дней пять со своими друзьями. Так мы спустили половину денег, а еды осталось столько, что могли нести ее сами. На четвертые сутки нас увидел бухгалтер мясокомбината, который резонно спросил: «Почему вы не уехали?» А тут еще встряла кассирша с вокзала: «Они уже здесь несколько дней. Каждый день едят, гуляют с друзьями, ночуют прямо в зале».

Бухгалтер отозвал меня в сторону: «При мне купите билеты и уезжайте поскорей, не то встретите нехорошего человека, который может и обмануть, и с пути сбить».

Я купил билеты, деваться теперь было некуда. Друзья посадили нас в поезд. В дороге продолжали пировать, в вагоне только и разговоров, откуда в голодное время у этих ребят такая вкуснятина.

26 апреля мы сошли на станции Туркестан и направились к родственникам. В доме тети Сулихат никого не было, окна и двери распахнуты настежь. Жившие по соседству старики, увидев нас, сообщили: «Сулихат и один из ее детей умерли, остальных забрали в детдом. В селе из тех, кого вы знали, уже половина сгинула от голода и побоев».

Живые же были на грани жизни и смерти от недоедания и непосильного труда. На их фоне мы выглядели как праздничные шары с розовыми пухлыми щеками и, чувствуя себя виноватыми, раздали свои запасы.

На следующий день, готовый ко всему, я отправился в НКВД. Единственной моей надеждой был капитан Гусев, но неизвестно, работал ли он там еще. Первым встреченным в коридоре НКВД оказался Рябых. Я, сам этого от себя не ожидая, принял стойку смиренно и громко отрапортовал:

— Товарищ старший лейтенант Рябых, Ибрагим Жангуланов в ваше распоряжение прибыл!

Он вначале на какое-то мгновение даже растерялся, а потом, грязно выругавшись, завел меня в кабинет и начал задавать вопросы.

— Почему ты сбежал?

— Я вам тогда говорил, что нас разделили с родными. Нам нужно было помогать старикам и слепой тетушке. В заявлении мы просили отправить нас к ним. Вы даже не прочитали то заявление, а просто посмеялись над нами.

— Почему продал корову? Ты же подписал бумагу, что в случае потери ее получишь срок в восемь лет.

— Я вас известил, что корова нетельная и молока не дает, но принимать ее обратно вы отказывались, лишь посмеялись и сказали: «Какой ты хозяин!» Вот и пришлось ее продать. Наш разговор, как вы помните, проходил при свидетелях.

Я отвечал так, как написал Ким в бумажке, и Рябых, удивленный моей логикой, прекратил допрос.

Последующие шесть дней он вызывал меня к себе, каждый раз обещая посадить, но не сажал. На восьмой день я заявил ему сам: «Или сажайте меня, или дайте бумагу для устройства на работу». На что он ответил: «В городе я тебя оставить не могу. В шестидесяти километрах отсюда находится каучуковый совхоз, там тоже есть балкарцы, поедешь туда трактористом».

День Победы я встретил в селе Кушата, где находился каучуковый совхоз, это был великий праздник, и правление выделило на праздничные мероприятия несколько голов скота. Люди жили ожиданием возвращения с фронта своих родных и близких.

Я начал работать трактористом, а мой братишка возил на арбе бочку с водой. Кто держал скотину, жил сносно, у нас же не было никакой возможности завести скот. Вскоре рядом заработала шахта, и я, отучившись в ФЗУ, устроился туда. На шахте проработал три года, после чего получил водительские права и новый самосвал. Машина была всегда в порядке, план я постоянно перевыполнял. На ночь оставлял самосвал перед домом.

Однажды я целый день возил камни, домой вернулся засветло. Уже был ноябрь, слил из машины воду, чтобы она не замерзла, умылся, попил чаю и до возвращения хозяйки присел отдохнуть. Не зная чем заняться, решил пойти на киносеанс в Дом культуры. Пешком из-за усталости вряд ли бы добрался, поэтому снова залил в мотор воду и поехал к Дому культуры.

Оставив машину у дороги, я направился в кинозал, где показывали картину «Каменный цветок». После сеанса я хотел сразу поехать домой, но самосвал оказался весь облеплен людьми. Было боязно вести машину, полную людей, по крутой горной дороге, и я решил прогнать незваных попутчиков. Они нехотя слезли. Только я завел мотор, многие опять запрыгнули в кузов. В одиннадцать часов вечера мы тронулись вниз по узкой горной дороге, я периодически подавал гудки. Дорога была мне хорошо знакома. Справа – крутой склон, слева – обрыв, внизу – долина. Вдруг за крутым поворотом на дороге появились люди, целая толпа. Для раздумий не оставалось ни секунды. Чтобы не сбить людей, я резко повернул и ударился об скалу, но машина не перевернулась. Дверь с моей стороны оказалась прижата к скале, и я вытолкнул сидевших в кабине двух парней: «Бегите отсюда скорей, чтобы вас никто не увидел».

Я думал, меня убьют на месте. Освободиться не было никакой возможности – мой ворот крепко держал здоровенный мужик. В какой-то момент мне удалось выскользнуть из фуфайки, и я бросился вниз по склону в глубокую долину.

Стояла ясная лунная ночь. Преследователи не отставали ни на шаг. В одном месте склона луна отбрасывала тень, и мне удалось там спрятаться. Я затаился среди камней. Место было очень узкое, не выбраться, бежать же вверх по течению реки – опасно. Мне нужно было двигаться вниз. Я незаметно приблизился к месту аварии, все было видно как на ладони и слышимость была прекрасной:

– Коли он не шайтан, куда мог скрыться?

Те люди, которые пытались меня поймать, были пьяны. Многие из них пострадали, когда, испугавшись попасть под машину, разбежались по сторонам. Были и погибшие.

Вскоре погибших и раненых увезли, наступило затишье. Тогда я увидел тропинку на склоне и, рискуя вызвать камнепад, осторожно взобрался на вершину горы. Достаточно было скатить один камешек, чтобы вызвать лавину. На этот шум могли откликнуться собаки в ближайших домах и выдать меня...

Потом в газете «Известия» появилась заметка под заголовком «Бандит за рулем». Там говорилось, что шофер из ссыльных совершил наезд, в результате чего погибло несколько человек; виновник скрылся с места преступления, но потом сам сдался в руки милиции. Суд определил длительный срок заключения.

Я сидел на вершине горы и размышлял. Быть может, податься в глубь России и попробовать пожить там? В таком случае моя жизнь превратилась бы в сплошной кошмар, тем более, что я был уже женат, имел сына. И принял решение без промедления явиться с повинной...

Когда я попал в КПЗ, пострадавшие требовали у милиции выдать меня для самосуда. Они кричали, что ночью взломают дверь камеры и убьют меня. Ситуация могла выйти из-под контроля милиции, и на следующий день меня на «воронке» перевезли в районный КПЗ. После допроса отправили по этапу. Я побывал в тюрьмах Туркестана, Ташкента и Чимкента, пока меня не привезли на суд в тот поселок, где я и совершил наезд. Тогда самыми строгими были две статьи: 58-я – «изменник» и 59-я – «бандитизм». Прокурор оказался человеком безжалостным: «Ненависть этого спецпереселенца к го-

сударству и народу очевидна, и авария, которую он совершил, совсем не случайна — это была вредительская акция, поэтому перед нами самый настоящий бандит, срок наказания которого должен быть максимальным». Лично мне прокурор сказал: «Жаль, что нет расстрела, а то я пустил бы тебя в расход».

Мне дали восемнадцать лет лишения свободы и отвезли для отбывания наказания в Чимкентскую тюрьму. Балкарцев здесь не было, зато много чеченцев и ингушей. Заключенных с такими серьезными статьями, как у меня, в тюрьмах побаивались. А статья каждого зэка была известна, поскольку ее повторяли на каждой утренней проверке. У меня была 59-я, и многие, наверное, думали, что я настоящий бандит, поэтому никто не пытался отобрать у меня еду или одежду.

В один из дней, сидя на нарах, я писал первое письмо на волю. Камера была набита битком, мои кирзовые сапоги стояли у двери. С нами сидел один здоровенный молодой мужик — машинист, убивший своего начальника ударом кулака по голове и осужденный за это на десять лет.

Я с головой погрузился в написание письма, когда машинист, судя по всему метя в кого-то другого, попал в меня подушкой. Карандаш и бумага упали на пол. Я не раздумывая схватил сапог и ударил им машиниста по голове. Все вокруг были поражены столь опрометчивым поступком и ждали скорой расплаты со мной. Но машинист, придя в себя, подошел ко мне со словами: «Молодец, на тебя можно положиться. Я был не прав, мы все знаем, как дороги письма, я на твоём месте любого отправил бы в аут. Пиши письмо. Теперь тебя никто не побеспокоит».

Потом умер Сталин, его место занял Маленков, и нам по амнистии вдвое сократили сроки. Меня, машиниста и еще многих переправили в четырнадцатый лагерь возле Алма-Аты. В городе жили балкарцы, они иногда навещали меня, приносили передачи. Я работал хорошо, полученных на зоне денег хватило, чтобы послать семье обувь, конфеты. Когда посылка приходила домой, знакомые, уже побывавшие в тюрьме, просили мою жену: «Покажи, что в посылке, а то мы в тюрьме из-за рыбьей головы друг другу глаза выкалывали. И как ему с такой серьезной статьёй удастся там жировать?»

Но все было не так просто, деньги и посылки доставались с большим трудом. Нужно было работать не покладая рук. Те же, к кому денежки текли сами, не отправляли посылки, у них был дру-

гой интерес — карты: выиграв сегодня, завтра они проигрывали последние штаны. Все же в тюрьме имелась возможность сохранить свое лицо: не стоило связываться с уголовниками, надо было вести себя по-человечески. Мне даже предложили водить машину начальника, но если бы я на это согласился, то потерял бы возможность получить работу, на которой день шел за три.

Через одиннадцать месяцев я уехал на строительство Куйбышевской ГЭС. Попасть сюда считалось большой удачей, из сотни это удавалось одному-двум. Мне еще раз невероятно повезло.

На строительстве ГЭС и шлюзовых систем трудилось около ста тысяч заключенных; были лагеря на пять и более тысяч человек. Ново-прибывшие проходили трехдневный карантин и лишь потом приступали к работе. Со мной было иначе — только я зашел в барак, как объявили: «Жангуланов Ибрагим, с вещами на выход, вот твоя бригада».

В бригаде было 15 человек. Она была передовой не только в нашем пятитысячном лагере, но и среди всех заключенных. Бригада выполняла все виды строительных работ: электро- и газосварку, такелажные и грузоподъемные.

Когда я пришел в бригаду, был как раз перекур. Один парень попросил меня сходить к соседям за кувалдой. Я пошел, не говоря ни слова. Там мне сказали: «Ты иди, а мы через пять минут сами принесем». Увидев меня без кувалды, парень начал оскорблять, замахнулся рукавицей, чтобы ударить по лицу. Я вскочил и опрокинул его на цементный пол, крича: «Я не из тех, над кем можно издеваться, я тебя сейчас в землю по пояс вгоню!» После того случая ко мне больше никто не приставал.

Наша бригада делала шпонку из нержавеющей стали. Эта деталь закладывалась в самое основание плотины. Ее смазывали солидолом, обматывали войлоком и заливали железобетоном. Шпонка защищала плотину от землетрясения, не давая ей треснуть или опрокинуться. Такая деталь была не одна — целый ряд, как бусы на арматуре. Шпонки нам приходилось изготавливать самим. Кроме плотины, я участвовал в сооружении шлюзов для прохождения судов.

Однажды мне приснился сон, будто стою я в огромном зале перед судом и судья говорит: «Этот парень невиновен, пострадавшие сами виноваты, разве можно напиваться так, чтобы танцевать прямо на дороге. Надо его оправдать». Проснулся я очень довольный, веря, что сон сбудется. Так оно и случилось. Через семь месяцев вы-

шло постановление об амнистии, оно распространялось на тех заключенных, которые отбыли две трети срока и активно работали. Все с нетерпением ожидали, кто же попадает в их число. Были зэки, проработавшие на строительстве ГЭС шесть-семь лет, они в первую очередь рассчитывали на освобождение. Я не проработал и года, поэтому моя кандидатура бригадой даже не рассматривалась.

Заключенных просеивали как через сито: какой срок по счету, есть ли семья, дети, нарушал ли режим. После Берии министром внутренних дел стал генерал Круглов. Он посетил строительство, выступил перед заключенными и самолично инспектировал наши столовые. После его отъезда огласили список амнистированных. Сам этого не ожидая, я оказался в их числе. Многие расценивали мое освобождение как несправедливое. Я никого об этом не просил, но потом выяснилось, что меня в список внес бригадир Лопатин.

Для решения дел об освобождении из Куйбышева прибыл выездной суд. Были и отказы, поэтому мы волновались. Сон мой сбился: в большой комнате судьи спросили, как и почему я сюда попал, учли мое примерное поведение, после чего сняли судимость и семь месяцев срока. Однако возвращаться сразу обратно было нельзя, поэтому меня решили отправить по комсомольской путевке на Кировский завод в Ленинград. На прощание начальник Куйбышевского ГУЛАГа вручил мне грамоту.

Я решил, перед тем как уехать в Ленинград, повидаться со своими родными, они в один голос начали меня отговаривать от такого шага, говоря, что хватит жить в разлуке с семьей, цитируя балкарскую поговорку: «Если собака в конуре, то ей не страшен волк». И я остался.

Возвращаться на шахту не стал, а пошел работать в совхоз, где жили балкарцы. Совсем скоро после моего возвращения Хрущев освободил ссыльных. Нам теперь не нужно было каждые десять дней отмечаться в комендатуре, езжай куда хочешь, только не на родину.

В июне 1956 года мы, пять семей, решили все-таки вернуться и выехали в Нальчик. Не то что в Нальчике, даже в родном селе нам не разрешили поселиться. Но если из города нас смогли выгнать, то из села никак. Мы были непреклонны, власти тоже не отставали. За неподчинение нас штрафовали на пятьдесят, сто рублей. Я сам уплачивал штрафы трижды. И вот, когда мы уже не знали, что делать, один балкарец дал нам дельный совет: «С нами было то же самое, пока мы не устроились в лесхоз в Догуате, там начальником Смо-

лер, он охотно берет балкарцев на работу. Мы на ишаках спускаем вниз бревна. Приезжайте к нам». Мы так и поступили. Нам выделили по землянке на каждую семью.

Каждый день на пяти-шести ослах нам приходилось вывозить из чащи до десяти кубометров древесины, которую потом на машинах отправляли в Нальчик для изготовления бочек. В лесхозе было больше сотни ишаков, оставшиеся после выселения балкарцев.

По воскресеньям мы ходили на охоту. У всех были ружья и кинжалы, мы купили их уже здесь. Тогда этого добра было достаточно.

С нашим возвращением старые работники поспешно бросали работу и уезжали. У одного такого мужика я и купил ружье, топор и кувалду.

Как-то вечером охотинспектор Тлостан Маремкулов с Мажитом Мисаковым и двумя собаками отправились в лес. Вернулись они в сумерки и сказали: «Мы ранили кабана, но он скрылся в лесу, поэтому надо утром пойти по его следам».

Всю ночь я с нетерпением ждал утра, чтобы пойти за кабаном. Когда мы добрались до места вчерашней охоты, собаки взяли след и устремились за зверем. Я последовал за ними. Собаки скрылись в глубокой балке, послышалось их тяканье. Подошел к краю обрыва и увидел, что кабан вцепился в одну из собак, а другая бежит вокруг. В народе говорят: «Если идешь на раненого кабана, то вырой прежде себе могилу». Забыв об этом, я бросился к месту схватки. Была настоящая куча-мала. Кабан крепко держал собаку. Я боялся выстрелить, потому что мог ранить собаку. Не было никакой возможности прицелиться. Тогда я вытащил кинжал и, улучив момент, полоснул кабана по челюсти. От боли он отпустил собаку и кинулся на меня. Убегать было поздно. Я растерялся, но потом стал наносить удары кинжалом. Одним из них я распорол кабана живот, после чего зверь еще метров десять бежал за мной, роняя внутренности, пока не упал. Оба моих товарища наблюдали за этим сверху, но не могли мне помочь. Инспектор Тлостан потом сказал: «От того, что я увидел, на моей голове волосы поседели, ты очень везучий человек, за свои пятьдесят я такого никогда не видел, но на охоту с тобой больше не пойду».

...Вместе с соседом Муратом Бозаевым, взяв двухдневный паек, мы отправились вверх по ущелью Сукан. Горные отроги были затянуты туманом. Мы вышли на перевал между Суканом и Верхней

Балкарией и стали ждать. К сожалению, туман был такой густой, что не было видно ничего – ни вверху, ни внизу. Так мы промаялись до полудня. Тогда решили перейти в Верхнюю Балкарию, на нашу родину, которую столько лет не видели. Нам хотелось увидеть свои дома, помолиться за усопших.

Когда мы дошли до Верхней Балкарии, радость переполняла нас. Мы как будто заново родились. Мы встретили родных и близких, по которым истосковались за время ссылки. Они нам рассказали: «Вчера Котурай, не в силах унять тоску по всему, что было вокруг, тоскуя так, что просто глядеть и видеть ему было недостаточно, разделся и стал кататься голым по крапиве». Все мы хорошо знали, какая жгучая и густая бывает крапива в Верхней Балкарии.

Котурай – прозвище Мухажира Тетуева. Слыл он человеком неглупым, честным и веселым. Он был высоким и худым. Никогда не был женат. У него была мать по имени Шахуна. Когда ему советовали жениться, он отвечал: «Жена – человек чужой. А чужой человек, хоть она и невестка, все равно будет допекать мою мать. Пока она жива, уж лучше я побуду холостым. А если ее не станет, тогда посмотрим». Так он и прожил бобылем.

Мы переночевали в Верхней Балкарии, а утром двинулись к перевалу. Но, к сожалению, погода не улучшилась. Мы не стали подниматься на Сукан. Возвращаться же назад с пустыми руками было неловко, это не в правилах балкарских мужчин. Решили действовать иначе – ийти дорогу, по которой старые охотники поднимались на вершину Доммайла, но тропинку не было видно. Похоже, за время нашей ссылки здесь не ступала нога человека. Ступени и перила за тринадцать лет разрушила природа. Все было размыто дождями и талой водой.

Нужно было подниматься на крутую скалу, которая упиралась прямо в небо. Мы долго карабкались, пока сверху не посыпались камешки. Дикие козы, завидев нас, спешно убегали. Но нам было уже не до них, мы, помогая друг другу, с трудом взобрались наверх. Там нам открылся вид удивительный, красота неопиcуемая. Слезы выступили у нас из глаз, и именно здесь мы обрели веру, что теперь никто и никогда не отнимет у нас родину.

Мы немного отдохнули и стали спускаться к Доммайле. С давних пор балкарцы косили здесь сено и содержали скот. После депортации никто здесь не бывал. Сочные альпийские луга покрылись

сухостоем, кошары обвалились. Кругом все было перерыто кабанами. Наши красивые и изобильные земли, вы тринадцать лет оставались беспризорными...

По пути нам удалось застрелить серну, так что возвращались мы домой с мясом.

...Два года я возил дрова в Догуате. Потом купил в Барамте (Вольном Ауле) недостроенный домик, завершил его и переселился с женой и четырьмя детьми. Работал электрослесарем на Вольноаульском консервном заводе, когда у меня обнаружился порок сердца. После этого мне запретили заниматься тяжелой работой, а на заводе любая работа была тяжелой, поэтому я ушел оттуда и устроился фотографом. Занялся этим от безысходности. Балкарцы упрекали меня: «Зачем тебе эта еврейская халтура? Если мусульманин делает изображения людей, то он точно попадет в ад». Но другого выбора не было. Вскоре я освоил фотокамеру и после двух лет в павильоне стал сопровождать экскурсии. Потом, когда и эта работа стала в тягость, стал снимать в парке, городе. Более двадцати раз побывал в больницах, перенес четыре операции. От такой дозы наркоза люди либо умирают, либо сходят с ума. Аллах помог мне выжить.

В один из дней начала июня в Верхней Балкарии, в том самом месте, где начался наш род, состоялся семейный сход, на который собрались Жангулановы из Балкарии, Кабарды, Карачая, Черкесии. Это был настоящий праздник, праздник общения, каждый из нас узнал для себя много нового. Вот, в частности, как наши попали в Кабарду. У Бепи Жангуланова было два сына. Один из них – Хангерри остался в Балкарии, его сыновья Баттал и Ахмет. А другой – Зекерия перебрался в Малую Кабарду, где женился на княжне и обосновался в Эльхотово. У него было три сына – Муса, Хасаи и Касай. Сейчас в Кабарде живут сын Мусы – Элдар, Хасана – Ахия и Касая – Анатолий. У них тоже есть дети.

Один из Жангулановых поселился на берегу Кубани, стал эфенди, он был очень образованный и умный человек. У одного его сына – Балкиза – дочери, а у другого – Шамшудина – двое сыновей.

Слава Аллаху, фамилия наша пустила корни. В Грузии живут: в Имеретии – Жангуладзе, в Сванетии – Жангула, в Мегрелии – Жангулая. Все они наши братья.

Все написанное мной – правда, я рассказал о своей жизни, что была не хуже и не лучше других. Оглядываясь на прожитые годы и говорю себе: «Да это было, но что это было – я не знаю». Да прольется на наш многострадальный народ благодать из рук Всевышнего.

Литературно-художественное издание

Ибрагим Хамзатович Жангуланов

ЗЕПАКА

Заведующий редакцией *В. Н. Котляров*

Художник *Ж. А. Шогенова*

Корректор *Л. Т. Юркова*

Лицензия № 00003 от 27. 08. 99

Сдано в набор 20.12.03, Подписано в печать 15.02.04.
Формат 60x84 ¹/₁₆. Бумага офсетная. Гарнитура Таймс.
Усл. печ. л. 1,68, Тираж 200 экз.

Издательство «Полиграфсервис и Т»
360051, КБР, г. Нальчик, ул. Кабардинская, 162

ООО «Полиграфсервис и Т»
360000, г. Нальчик, ул. Кабардинская, 19
Тел.: (8662) 42-62-09; тел./факс 49-33-25
e-mail: elbrus@mail.ru
www.elbruss.ru